

XXII Апрельская международная научная конференция
по проблемам развития экономики и общества

Тезисы доклада

**«Бесланская трагедия как коллективная травма:
анализ комментариев в социальной сети YouTube»**

Смирнов Никита Максимович
(ОП «Политология» НИУ ВШЭ)

+7 (912) 561-63-37

nmsmirnov@edu.hse.ru

Захват заложников в Беслане 1 сентября 2004 года – событие столь травматичное, сколь не проговоренное для российского общества. Год пятнадцатой годовщины теракта возвращает обсуждение этой трагедии в публичную повестку и реактивирует механизмы ее медийного освещения. В сентябре 2019 года выходят несколько фильмов, посвященных ретроспективной репрезентации теракта; их выпускают блогеры (Ю. Дудь, К. Собчак), независимые СМИ (Дождь, Новая газета) и медиа, аффилированные с государством (RT). Они выстраивают зачастую диаметрально противоположные системы фреймов, формируя **конкурирующие нарративы теракта**. Если рассматривать бесланскую трагедию как коллективную травму, то эти нарративы претендуют на формирование коллективной памяти через культурную рефлексию и репрезентацию травмы [Hall, 1997].

Теоретическая модель

Анализ этой репрезентации и ее рецепции обществом – важнейший вызов для исследователя: Бесланская трагедия стала серьезным социальным расколом, и нарратив, который станет гегемоническим в современном российском обществе, повлияет не только на отношение к Беслану как историческому событию, но и определит множество смежных политических и социальных установок. Теоретическая модель, использованная в этой работе, опирается на структуру коммуникации, предложенную Н. Луманом. Коммуникация предполагает **два этапа селекции** – авторов (в нашем случае это отбор конкретных частей нарратива, работа с фреймами и салиентностью) и реципиентов (это восприятие конкретных частей нарратива его адресатами) [Луман, 1995]. Эпистемологически работа лежит в конструктивистском русле теории фреймов и теории повестки дня.

Новизна исследования в первую очередь связана с серьезной лакуной в знании: работы, связанные с репрезентацией терроризма, практически никогда не затрагивают его ретроспективного представления; при этом именно оно является значимым в контексте формирования коллективной памяти.

Методология исследования

Два этапа селекции диктуют подход к анализу репрезентации. Селекция авторов реконструируется через **нарративный анализ** [Пузанова, Троцук, 2003]. Для анализа выбраны три наиболее просматриваемых фильма о Беслане 2019 года – Юрия Дудя, Ксении Собчак и «Новой газеты». В них выделены стереотипичные элементы нарративов: структура, центральные герои, атрибуция вины,

побудительные мотивы. Определены общие и специфичные паттерны репрезентации, сформулированы гипотезы для второй части анализа.

Второй этап анализа – рассмотрение селекции реципиентов. Восприятие предлагаемого нарратива определяет его успешность в борьбе за гегемонию. В качестве материала для анализа использовался массив комментариев к трем фильмам ($N = 141\ 966$), выгрузка проведена 29.02.2020 с использованием YouTube API. Комментарии были обработаны различными инструментами формального анализа текстов (NLP): был проведен анализ частотности моно- и биграмм, анализ тональности текста, однако наиболее информативным для понимания селекции реципиентов оказалось построение модели **случайного леса**. На тренировочной выборке ($N = 1\ 000$) были размечены 4 целевые переменные: вежливость, атрибуция вины, гражданский дискурс и побудительный мотив. Модель случайного леса оценила остальные комментарии в выборке ($N_{estimators} = 100$). Качество моделей и релевантные значимые слова-признаки позволяют говорить о правдоподобной оценке целевых переменных:

Качество предиктивных моделей случайного леса

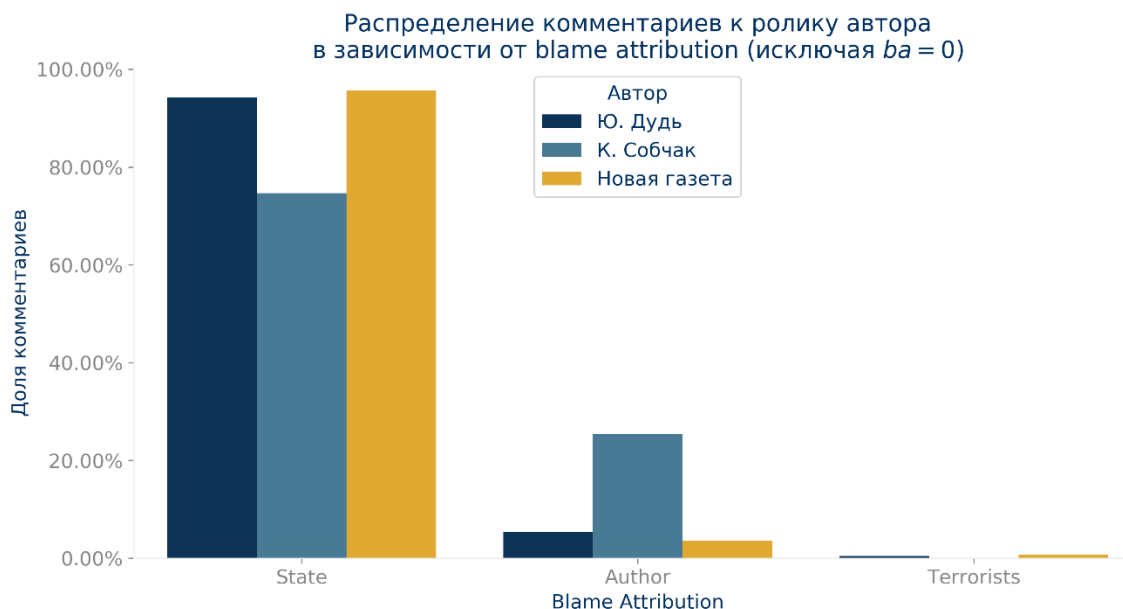
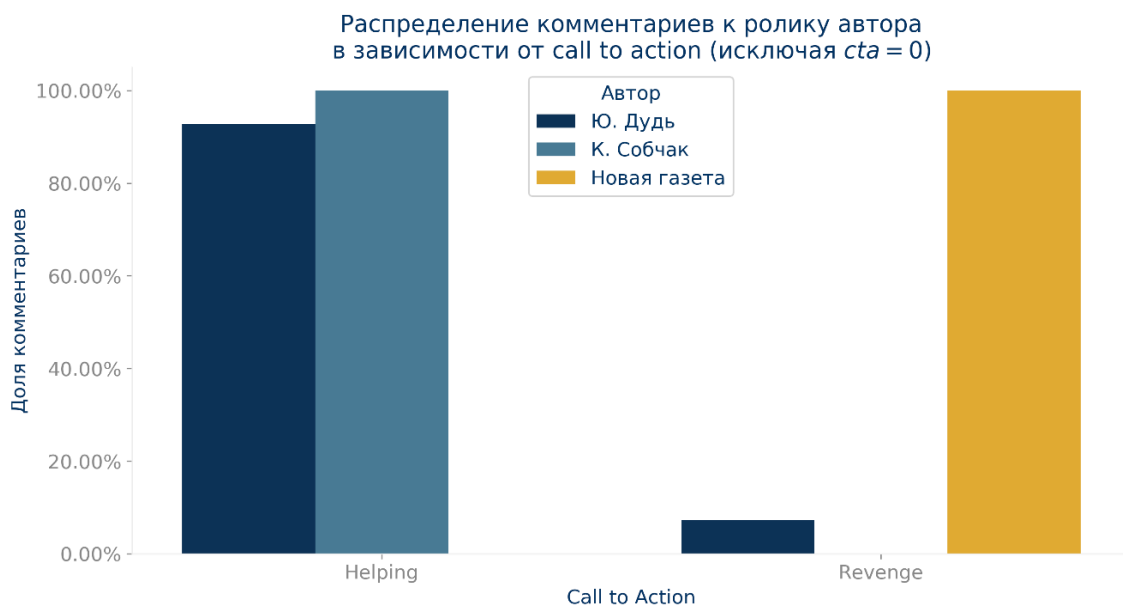
№	Целевая переменная	Качество модели (<i>accuracy</i>)
1	<i>Вежливость</i>	0.904
2	<i>Атрибуция вины</i>	0.780
3	<i>Гражданский дискурс</i>	0.816
4	<i>Побудительный мотив</i>	0.976

Основные результаты исследования

Нарративный анализ выявил общие паттерны репрезентации бесланского теракта. Первый из них заключается в *реатрибуции вины*. Атрибуция вины – ключевой и необходимый компонент формирования коллективной памяти, она является производной от виктимизации: в рамках диадической морали ощущение потери и вреда требует идентификации виновного агента [Hirschberger, 2018]. Интуитивный и наиболее распространенный «враг» в случае теракта – конкретная группировка, ее лидер, обобщенные «исламисты», которым естественным образом противопоставляется народ и/или государство [Hoffman, 1986]. Но в трех рассмотренных нарративах о Беслане вина прямо или косвенно атрибутируется государству – государству, которое допускает теракт, совершает непростительные ошибки во время штурма, не помогает жертвам трагедии и отказывается проводить тщательное расследование. Второй паттерн – формулирование «морали», некоторого урока, который нужно вынести из нарратива, *перформативного высказывания*. Таковых можно выделить три: наиболее значительный из них призывает помогать жертвам теракта своими силами (вновь подчеркивая, что государство не справляется с этой функцией), второй сосредоточен на политическом перформативе – добиться наказания виновных и исчерпывающего расследования обстоятельств трагедии. Третий призыв наиболее важен с точки зрения

формирования коллективной памяти – он говорит о необходимости сохранения и ретрансляции знания о Беслане, создания коллективной идентичности, однако этот посыл выражен в наименьшей степени.

Анализ комментариев показал, насколько фреймы нарративов были восприняты реципиентами. Ниже представлены распределения двух содержательных целевых переменных на подвыборках (за исключением наблюдений, где целевая переменная принимала значение 0):

Вина атрибутируется государству в подавляющем большинстве комментариев, в этом смысле фрейм «врага», предложенный авторами нарративов, действительно воспринят реципиентами. Что касается призыва к действию, наблюдается серьезное различие: комментарии к нарративу «Новой газеты» склонны к значению *Revenge* (так кодировались призывы к наказанию виновных), тогда как комментарии к двум другим нарративам тяготеют к значению *Helping* (призыв к помощи жертвам теракта).

Обсуждение результатов

Несмотря на ряд методологических ограничений, по итогам работы можно сделать несколько значимых выводов. Рассмотренные нарративы воспроизводят схожие паттерны репрезентации, таким образом формируя устойчивые фреймы. В этих фреймах государство оказывается виновным в теракте и неспособным обеспечить свои базовые функции, а Беслан остается в общественной жизни как «рана в культурной ткани» [Штомпка, 2001]. В этом смысле культурная рефлексия оказывается неспособной к консолидации, а репрезентация травмы – обрывочной и неконсистентной. Государство противопоставляется обществу, желание отомстить – необходимости помогать. Не формируется единого и стабильного фрейма, который является важнейшим условием формирования новой идентичности. Пересмотр бесланских событий пятнадцатилетней давности не приводит к заживлению травмы, но его можно считать спусковым крючком к достижению социетального консенсуса. Возможно, сам факт говорения о Беслане, сколь бы поляризирующим оно ни было – начало продуктивного диалога на пути к новой российской идентичности.

Путь в тысячу ли начинается с одного шага.

Библиография

1. *Hall S.* The work of representation // Representation: Cultural representations and signifying practices. — 1997. — Т. 2. — С. 13-74.
2. *Hirschberger G.* Collective trauma and the social construction of meaning //Frontiers in psychology. — 2018. — Т. 9. — С. 1441.
3. *Hoffman B.* Fixing the Blame: International Terrorism and Attacks on Americans. — RAND CORP SANTA MONICA CA, 1986. — №. RAND/P-7221.
4. *Луман Н.* Что такое коммуникация? // Социологический журнал / пер. с нем. Д. В. Озирченко. — 1995. — № 3. — С. 114-125
5. *Пузанова Ж. В., Троцук И. В.* Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). — 2003. — №. 17. — С. 56-82.
6. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма //Социологические исследования. — 2001. — №. 1. — С. 8.